В редакцию пришло письмо от 27-летней жительницы Петропавловска-Камчатского. Свою фамилию она указывать не хочет, потому что лишнее внимание ей ни к чему. Сейчас ей необходимо научиться жить с той бедой, которая совершенно неожиданно обрушилась на их семью, жить ради маленькой дочки, ради родных и близких, которые разделили с ней горе, ради надежды на счастливое будущее. А еще она очень надеется, что трагическая череда детских смертей в наших роддомах когда-нибудь прекратится. Мы приводим ее письмо с сокращениями.

«27 сентября 2016 я по направлению из женской консультации № 3 приехала в городской роддом № 2 **Петропавловска-Камчатского** на сохранение. Сначала меня оформили в приемной этого роддома: измерили вес, давление, взяли кровь из вены, прослушали сердце ребенка, измерили окружности живота и таза, я заполнила стандартные виды согласия. Затем проводили до палаты. Где-то через час зашла постовая медсестра и пригласила на КТГ (Кардиотокография – непрерывная синхронная регистрация частоты сердечных сокращений плода и тонуса матки с графическим изображением сигналов на калибровочной ленте. – **Ред**.). По окончании сказала, что все нормально, и я ушла в палату. Чуть позже пришла врач отделения Игнатова Т. И. на обход, пощупала живот, послушала сердечко и пригласила на осмотр на кресле. На осмотре сказала, что вот-вот и пойдем в роды. Позже, около 22:00, пришел на вечерний обход Литвинов Е.Ф., всех послушал и ушел.

На следующий день я сдала анализы, а потом пошла на УЗИ к Красножоновой Марине Николаевне. В процессе она мне сказала, что мальчишка толстенький будет. Повернула в мою сторону экран, показала складочки на его шее, затем продолжила его осматривать, сказала, что головка ребенка не маленькая, но и не критично большая, роды пройду без проблем. Затем посчитала предположительный вес ребенка: 3 800 - 4 100, взглянула на меня и сказала, что таз хороший, рожу сама. Потом она спросила, с каким весом я родила первого ребенка, на что я ответила: 4 000 кг. Она поужасалась: зачем, мол, природа таких мелких девушек такими крупными детками награждает, и говорит: «Этого тоже родишь сама, но самое главное – не переносить, так как вес уже немаленький, надо рожать, иначе за неделю он еще грамм на 200 вырасти может».

После чего я счастливая пошла в палату.

В этот же день заходила наша врач Игнатова, я у нее просила или таблетку, которой схватки вызывают, или гель, или проколоть пузырь, сказала, что Красножонова рекомендовала не тянуть с родами. На что Игнатова ответила, что я уже 4 кг рожала, и этого рожу. Сказала, что ждем до пятницы, если не пойду самостоятельно в роды, значит, в пятницу (30.09.16) даст таблетку.

29 сентября, четверг: обычное утро, после завтрака позвали на КТГ. На мой вопрос медсестра ответила, что все нормально.

В пятницу на утреннем обходе я сама попросила Игнатову посмотреть меня на кресле. Она посмотрела и сказала, что я активно готовлюсь в роды. После чего я спросила, где обещанная таблетка, которая роды вызывает, она ответила, что еще подождет до понедельника. На это я у нее спросила: может, пузырь все-таки проткнем, как мне делали при первой беременности? В этом она мне тоже отказала и сказала, что будем ждать до понедельника. Я настаивала, но врач ответила, что если не рожу на выходных, тогда посмотрим. Я, расстроенная от неизвестности, и со страхом, что время идет, плод растет, и никто не реагирует на мои просьбы, вернулась к себе в палату.

Вечером того же дня Игнатова назначила кесарево на понедельник двум девочкам из нашей палаты. Услышав это, я подошла к Игнатовой Т. И. и очень-очень попросила не тянуть. Говорю: ну, пожалуйста, давайте пузырь проткнем, ведь шейка готовая, малыш растет. На что Игнатова мне ответила: «Ну хорошо, я поговорю с Литвиновым Е.Ф., он тебя посмотрит утром в понедельник, и если все хорошо, то проткнет пузырь». На что я ей говорю: «А вы точно с ним поговорите?! Вы не забудете?!» Игнатова мне отвечает: «Нет, я все прекрасно помню, давай даже пометку сделаем на твоем лечебном деле». После чего достала мое дело и зелененьким стикером сделала пометку. Я ее поблагодарила и счастливая, что в понедельник встречусь с малышом, пошла в палату.

1 октября 2016 года, суббота, дежурная врач Богатова Ирина Евгеньевна. Утром после завтрака меня снова пригласили на КТГ, по окончании обследования медсестра сказала, что результат плохой. Я возразила, что всегда хороший был. На что она отвечает: «Когда это он у тебя хороший был? Не то 5 из 7, не то 6 из 7. И где ж он хороший? Иди в палату, я покажу доктору и потом тебе скажу что к чему». В палате мне поставили капельницу с гинипралом, сказали, что это полезно для плода. Во время капельницы у

меня начало бешено биться сердце, всю колотило и тряслись руки. Медсестра сказала, что это нормально, пройдет...

Затем КТГ. По окончании записи медсестра сказала, что ничего не изменилось, так же плохо: 4 из 7. Я, естественно, запереживала еще сильней, сердце из груди выскакивало. Побежала к Богатовой, на мои вопросы она мне ответила: «С таким КТГ вообще я тебя сейчас порезать должна, так что иди еще «капайся», а потом еще раз на КТГ». После повторной капельницы, где-то через час, сделали в третий раз КТГ, результат был 5 из 7.

После этого я ходила по коридору в надежде встретить врача Богатову. Наконец она появилась и, чавкая жвачкой, сказала, что будет думать, что со мной делать. Больше в этот день я ее не видела. От волнения мне с трудом удалось уснуть.

Наступило утро этого самого трагичного дня, 2 октября. После завтрака меня снова позвали на КТГ, подключили к датчикам, запись шла, сердце ребенка билось, Но, как мне сказала медсестра, показатели были 3 из 7. Чуть позже в нашу палату пришел Литвинов Е.Ф., на обход. Подошел ко всем девочкам, прослушивая сердцебиение плодов, и наконец идет ко мне. Я сразу ему сказала, что у меня уже второй день КТГ плохая – вчера было 4 и 5 из 7, а сегодня вообще 3 из 7. Литвинов начинает прослушивать сердцебиение ребенка и явно его не слышит, это было понятно по выражению его лица. Просит меня повернуться сначала на один бок, затем на другой, потом опять прямо. Затем сказал, что сердцебиение услышал, но не четко. Спросил, какие лекарства мне давали вчера, обещал посмотреть мою историю и ушел на обход в другие палаты.

Я запаниковала! Думаю, как же так?! КТГ плохая, сердце еле прослушал и так спокойно ушел. Через какое-то время пошла на пост к медсестре, спрашиваю: ну что, доктор посмотрел мою историю? Она мне отвечает, что еще нет, некогда ему, он на роды пошел, потом посмотрит. Потом мне сообщили, что доктор мне в понедельник планово проколет пузырь. Я вообще обомлела, думаю: а разве это не опасно ждать до утра, если сердце плохо прослушивается?

Чуть позже зашла медсестра Валентина с капельницей того же гинипрала. Думаю, странно, такая ситуация, а мне какой-то гинипрал колят. После капельницы я немного отошла от мандража и вновь отправилась к медсестре, чтобы попросить сделать мне

КТГ, дабы убедиться, что с малышом все хорошо и заодно проверить, помогла ли капельница. Но, как обычно, ее на посту не было. Я места себе не находила, и все время разговаривала с сыном, гладила живот и просила его мне ответить, толкнуть хоть разок, но в ответ ничего. Затем появилась медсестра и позвала нас мерить давление, и троим заполнить согласие на плановое кесарево, а мне и еще одной девушке – на плановый прокол пузыря. После чего у нас забрали паспорта. Затем я попросила медсестру сделать мне КТГ, в конце концов. Медсестра пришла и начала пробовать подключить КТГ аппарат, но никак не могла найти сердечко, видимо, она поняла в чем дело и убежала! Вернувшись через минуту-другую, позвала меня в смотровой к Литвинову. Я бегом туда, а сама уже понимаю, что-то не так, и начинаю молиться – только бы все было хорошо с малышом. В смотровой Литвинов сначала положил меня на кушетку, потом посмотрел на кресле, затем мы пошли на УЗИ. Быстро поднялись на третий этаж, подошла врач УЗИ, мы зашли в кабинет, и медсестра вместе с нами, в ее глазах был страх, она явно уже все поняла… Я легла, узист навел датчик на сердечко, это я поняла по дикому взгляду врачей друг на друга. Литвинов попросил включить звук, и тут прозвучал длинный гудок. Я сквозь слезы спрашиваю: «Мой сын жив? Сердце бьется?» Литвинов еще несколько раз рассмотрел сердечко на экране, включали звук, но звучал все тот же длинный гудок, затем он еще просил показать плаценту и пуповину, все было в норме. Все, кроме сердечка…

И тут он мне говорит: «К сожалению, ваш малыш умер…».

Мы заглянули на медицинские сайты и узнали, что благодаря использованию КТГ в период вынашивания беременности у врачей появляется дополнительная возможность получения полной графической информации о развитии малыша в материнской утробе, что дает возможность своевременно оказывать помощь и предотвращать патологии на поздних сроках вынашивания беременности. КГТ дает возможность слышать сердцебиение плода, что помогает узнать его самочувствие, избежать различных неприятностей. Для упрощения анализа полученных данных используется 10-бальная система оценки.

8–10 баллов – состояние плода удовлетворительное – динамическое наблюдение.

6–7 баллов – гипоксия плода – запись КТГ повторить.

0–5 баллов – выраженная гипоксия плода – госпитализация или срочное

родоразрешение.

Естественно, расшифровку должен производить исключительно врач. Вариантов нормы и патологии очень много, и они не подчиняются только лишь одной системе. Для этого нужно оценить всю картину в целом. Бывают такие варианты КТГ, которые по обыкновенным методам расшифровки подходят под вариант нормы, но являются исключениями и представляют собой признаки тяжелых состояний при беременности.

Вряд ли наша читательница знала и разбиралась во всех этих тонкостях. Ею руководил самый сильный инстинкт на всей живой планете – материнский. Почему врачи с самого начала не обратили внимания на ее беспокойство? Почему не прислушались к своей коллеге, первой делавшей УЗИ и посоветовавшей не затягивать с родами? В конце концов, почему не стимулировали роды, когда ребенок еще подавал признаки жизни? Понятно, что кесарево сечение, как и любое другое вмешательство в естественный процесс, тоже несет свои риски. И, наверное, очень страшно сообщать женщине, что ее ребенок умер.

Родственники автора письма предполагают, что врачи по халатности или каким-либо другим причинам упустили момент, когда роды могли завершиться благополучно. А затем, возможно, специально ждали момента, когда ребенок погибнет в утробе, поскольку, согласно существующему законодательству, нерожденный малыш считается не человеком, а плодом. Поэтому, даже если правоохранительные органы установят причинно-следственную связь между запоздалыми действиями (бездействием) врачей и наступившими последствиями в виде внутриутробной смерти плода, никаких оснований усматривать в действиях людей в белых халатах преступление против жизни у них не будет.

Жанна Бакаева